

*Лия, эту историю я посвящаю тебе.
Меня — за многое прости... Тебе — спасибо за все.
Я люблю тебя.*

1.

К началу лета 1968 года мои единственные брюки окончательно пришли в негодность — поднялись выше лодыжек и так стерлись сзади, что садиться приходилось осторожно, а вставая, проверять рукой — порвались или еще нет. Денег на новые брюки у меня не было. Попросил у отца, но тот не дал: «Сойдут пока и эти, носи поаккуратнее». Так что другого выхода не было, да и время не терпело, пришлось выкручиваться самому. Поздно ночью я проехал на трамвае через Воронцовский мост и спрыгнул у католической церкви. Заходил в каждый двор, дойдя так до здания больницы №7, и если где видел вывешенное белье, высматривал брюки, но брюк нигде не было. «В чем дело? Куда подевались мужчины? — удивлялся я. — Или брюки им больше не нужны?»

Забрался я так далеко от дома потому, что красть брюки в своем квартале было делом рискованным. Что, если б хозяин их узнал? Остался бы опять без брюк.

У больницы я передохнул. У меня было два хороших бычка в кармане сорочки, выкурил оба. Затем направился вверх направо, миновал арку и вошел в небольшой двор, где стояло старое кирпичное пятиэтажное здание. Света в окнах не было. Только над подъездом тускло светила пыльная лампочка.

В темноте я заметил очертания вывешенных на веревке брюк на балконе пятого этажа. «Наконец-то», — об-

Темур БАБЛУАНИ

радовался я. Хотя добраться до них было нелегко, думал я недолго; снял обувь, оставил ее там же у стены и начал осторожно подниматься по водосточной трубе, стараясь не шуметь. Только я миновал третий этаж, как истрепанная задняя часть моих брюк порвалась окончательно, превратившись в лохмотья, а поскольку белья на мне не было, меня еще сильнее обдало прохладой ночи. «Хорошо еще, что это не случилось днем», — подумал я.

Оказавшись наконец у балкона пятого этажа, я почувствовал, как у меня перехватило дыхание — вблизи отчетливо было видно, что на веревке висят джинсы. Джинсы в то время в Тбилиси были большой редкостью, встретить человека в джинсах можно было нечасто, и только недавно их стали продавать в еврейском квартале, где стояли они очень дорого.

Дотянувшись до оконной рамы, я стал нащупывать между кирпичами, за что можно ухватиться и на что опереться пальцами ног. Так и продвигался к балкону, повиснув на стене. Перелез через перила, опустился на корточки и замер. Бывают минуты, когда ничего не может сравниться с тишиной.

Затем осторожно снял еще влажные брюки с веревки, даже не думая их надевать, обмотал вокруг пояса и полез обратно. Спустился, вздохнул с облегчением, обулся, прошел под аркой и бегом пустился по улице, держась подальше от фонарей.

Еще не рассвело, когда я добрался до своего квартала и перевел дыхание у входа в сад.

Ночь не прошла даром — я уже казался себе богачом. Теперь мне нужно было увидеть Хаима. «Хоть бы застать его дома», — с надеждой подумал я. Наши дома стояли рядом, оба — четырехэтажные, крытые толстой жостью. У нас был общий большой двор, где мы в детстве играли

СОЛНЦЕ, ЛУНА И ХЛЕБНОЕ ПОЛЕ

в футбол — с него и начался для меня в действительности этот мир.

В отличие от дома Хаима, наш дом со стороны двора опоясывала винтовая лестница, которая тянулась до самого чердака. Я поднялся по ней, прошел по чердаку на крышу и посмотрел на город. Со стороны Тбилисского моря к темному еще небу подкрадывался розовой дымкой рассвет. У подножия Арсенальной горы длинный состав товарного поезда катил в сторону Азербайджана, до меня доносился стук колес. Перелез на крышу Хаимова дома и остановился у голубятни, голуби заворковали. Эта голубятня была нашей общей собственностью Хаимом, у нас было тридцать голубей. Захватывающее было зрелище, когда они все вместе взмывали в небо, описывая круги над домами.

А остановился я потому, что увидел, как в доме напротив, через улицу, в темном окне на последнем этаже на мгновение мелькнул огонек, осветив дядю Чарлика, закуривающего сигарету. Он был не один, ближе к окну стоял какой-то лысый мужчина с фотоаппаратом в руке, направленным на окна Хаима. «Ах ты, сука!» — подумал я, спрятавшись на всякий случай за голубятню.

Этот дядя Чарлик переехал в наш квартал всего пару месяцев назад, выдавал себя за инженера-железнодорожника, всем улыбался и первым со всеми здоровался. «Вот настоящий мужик!» — сказал однажды отец только потому, что за починку сапог тот вместо пяти рублей заплатил семь.

Я прошел крышу и посмотрел во двор: ни души. Увидел открытую форточку на веранде Хаима, повис на карнизе, залез в форточку и, скользнув по оконной раме, опустился на пол. Посидев минуту-другую, на цыпочках приблизился к приоткрытой двери, откуда слышался разговор. Остановился и осторожно заглянул. Дяди Хаима сидели

с каким-то пожилым мужчиной за столом и пили чай. Вот и все — ничего особенного не происходило. Скукота!

«Почему эти двое сук стояли у окна с фотоаппаратом?» — подумал я и на всякий случай некоторое время прислушивался к разговору. Но не услышал ничего интересного, говорили о ценах на ранние овощи. Я отступил, повернулся и оторопел — передо мной стоял высокий бородатый мужчина и улыбался. Удивительно, как этот верзила так тихо подкрался ко мне. Я тоже улыбнулся и подмигнул ему.

— Я друг Хаима, — сказал я.

— Знаю, тебя Джудэ зовут, ты сын сапожника Гогии.

Я видел его впервые, а он знал не только мое имя, но и имя и ремесло моего отца.

— Ты кто?! — спросил я.

— Родственник Хаима. — Потом он показал на джинсы. — Можно хорошо продать.

— Не возьмешь? — спросил я.

— Нет, я другим занимаюсь.

К дверям подошел младший дядя Хаима; он меня недолюбливал, считая, что я приношу несчастье. При виде меня он нахмурился.

— А этого откуда принесло? — спросил он бородатого.

— Две минуты назад залез в окно.

Дядька рассердился:

— В этом доме, между прочим, не только Хаим живет.

Опустив голову, я направился в сторону комнаты Хаима.

— Вон отсюда! — закричал он мне вслед.

Сделав вид, что не слышу его, я прошел веранду и открыл массивную дубовую дверь. Хаим лежал на железной кровати, на спине, и спал, голые ноги выглядывали из-под тонкого одеяла. Только я пощекотал ему ногу, он поднял голову.

СОЛНЦЕ, ЛУНА И ХЛЕБНОЕ ПОЛЕ

— Это я, — позвал я его. Потом зажег свет, снял с пояса джинсы и показал Хаиму.

— Хорошие джинсы, — кивнул он и перевел взгляд на мои рваные брюки. — Брюки нужны? — догадался он о причине моего прихода.

— Да.

Он задумался.

— Ладно, возьми, только к трем часам верни обязательно. Дело в том, что у него это тоже были единственные брюки.

— Раньше верну, — ответил я.

Переодеваясь, я рассказал ему, что видел с крыши. Он внимательно слушал, затем сощурился и зло выматерил Чарлика.

— Как ты думаешь, в чем дело? — спросил я.

— Это ты у моих дядей спрашивай, уж от тебя они ничего не скроют.

Мне показалось, что услышанное не было для него новостью.

— Большое спасибо за брюки.

— Эту рвань тут не оставляй, убери.

Я взял обрывки брюк и направился к двери.

— Не опоздай, — бросил он мне вслед.

2.

Я обошел знакомых спекулянтов в еврейском квартале, рассчитывая загнать джинсы за сто рублей, и везде слышал одно:

— А нам за сколько продавать прикажешь?

Потеряв два часа, я вернулся к тому, с кем торговался в самом начале. Он дал мне восемьдесят рублей, и я взял

курс на Навтлугский базар, который тогда был самым дешевым базаром в городе.

Сначала купил брюки, надел. «Так-то», — вздохнул я с облегчением. Потом примерил синюю сорочку — она мне очень подошла, и цвет понравился — застегнул и расплатился. Оттуда переместился к обувной лавке и купил ботинки, о которых и мечтать не смел. Моя старая обувь раз пять была чинена-перечинена, сам чинил отцовскими инструментами, даже два раза удлинил; так что на обувь она уже не походила, разве что был не босой. Теперь я их вместе с рваной майкой выбросил в мусорный ящик.

Для Манушак я хотел купить одеколон «Кармен». Пока искал одеколон, увидел белый шерстяной жакет с вышитыми цветами сирени, который мне понравился, и, недолго думая, попросил продавца завернуть его, расплатился и ушел. Но, оказалось, я оставил там Хаимовы брюки и только в трамвае обнаружил, что их нет. Пришлось возвращаться.

Продавец был старше меня года на два.

— Какие еще брюки? Ничего ты тут не оставлял.

А ведь я помнил, как положил их на прилавок.

— Вспоминай, не то подожгу эту лавку.

Другой продавец достал из большой картонной коробки брюки:

— Эти?

Я кивнул, он снова завернул их в бумагу и протянул мне. Затем с укором сказал молодому:

— Что за добро такое, чтоб из-за него нарываться на неприятности.

В первом часу дня я сунул Хаимовы брюки под мышку соседскому мальчишке со словами «отнеси Хаиму», а сам направился повидать Манушак. В нашем квартале был па-

СОЛНЦЕ, ЛУНА И ХЛЕБНОЕ ПОЛЕ

рикмахер Гарик, Манушак была его дочерью. У Гарика был и сын, Сурен, старше меня и Манушак на семь лет. Он все время сидел в парикмахерской и читал журналы, иногда стриг маленьких детей, к взрослым Гарик его не подпускал: «Поумней сначала».

Я любил Манушак с детского сада. Мы и в школе вместе учились, но к концу шестого класса у Манушак, кроме поведения, по всем предметам были двойки, и ей пришлось бросить учебу. Я кое-как добрался до выпускного класса, и к тому времени у меня оставался один экзамен, грузинский письменный. Сдав его, я мог получить аттестат.

Манушак мне встретилась по дороге, она шла за хлебом. Сначала она меня не узнала, вроде как остолбенела, потом покраснела, она всегда краснела при виде меня.

— Это ты?!

— К тебе шел, — сказал я.

Отступив, она оглядела меня.

— Вот умоешься и станешь в новой одежде еще симпатичнее.

— А что не так? — спросил я.

— Вот тут и тут испачкано. — Она показала на щеку и ухо.

Я вспомнил, как ночью лазил по водосточной трубе, и почему-то у меня испортилось настроение. Она заметила и забеспокоилась:

— Что с тобой?

— Все в порядке, — ответил я.

Все и вправду было в порядке, после моих покупок у меня оставалось тридцать пять рублей, у меня никогда раньше не было столько денег, да и одет так хорошо я никогда еще не был. В конце концов, умыться вовсе не было проблемой. Я не понимал, что со мной, и удивлялся. Поз-

Темур БАБЛУАНИ

же, вспоминая эту встречу, я постоянно приходил к одному и тому же — это было предчувствие.

Я развернул подарок и протянул Манушак:

— Это тебе.

Она обрадовалась и улыбнулась мне. Надела жакет и закружилась вокруг меня.

— Люблю тебя, — сказала она.

Когда мы проходили мимо парикмахерской, Гарик посмотрел на нас в окно, он брил Рафика и не посмел бросить дело и выйти, так что оценил наше новое одеяние лишь поднятием бровей.

Я заметил, как Рафик разглядывал в зеркале Манушак, и в сердце что-то неприятно кольнуло. Манушак, как-то невзначай, добавила:

— Этот Рафик последнее время как-то странно смотрит на меня.

— Ну а ты? — спросил я.

— Да ты что? Меня тошнит при виде его.

Рафик не был вором «в законе», не имел «звания», но у него был авторитет в криминальном мире. Участковый инспектор Темур Тембрикашвили и близко к нему не подходил, побаивался. Говорили, что он контролировал спекулянтов внизу, в еврейском квартале, и имел с этого хороший навар.

Мне вспомнились слова Трокадэро: «Самый смелый герой — девятиграммовая пуля», и я с досадой подумал: «Если он и впрямь что-нибудь замыслил, подкараулю его в темноте и всажу пулю в лоб».

А Манушак я поверил, да и с чего мне было не верить ей?! Сколько я себя помнил, она никогда не обманывала меня. Она не была, как ее брат, дурочкой. Просто была настолько доброй и простодушной, что и совсем нормальной ее нельзя было назвать. Но, думаю, именно за это я ее и любил.

СОЛНЦЕ, ЛУНА И ХЛЕБНОЕ ПОЛЕ

Перед тем как расстаться у хлебного магазина, мы договорились встретиться вечером и пойти в кино, после того как я выплаюсь.

3.

Маленькая площадка между хлебным магазином и гастрономом была перекрыта заржавленными листами жести. Под этой крышей стоял врытый в землю низкий железный стол, за которым сидел мой отец и почти под открытым небом зимой и летом чинил старую обувь. Он и меня обучил своему ремеслу, и, когда работы было много, я ему помогал.

«Тебе-то что, — сказал он однажды. — Я свое дело тебе оставляю, так что на хлеб всегда заработаешь».

Моя мать во время войны была эвакуирована сюда из России со своей хромой теткой, которая вскоре умерла, и она осталась одна. Она познакомилась с моим отцом, и родился я, так что заговорил я по-русски. Если судить по единственному оставшемуся снимку, мать можно было назвать красивой женщиной, во всяком случае, мне так казалось. Мне было четыре года, когда она, выйдя однажды из дому, больше не вернулась, бросила нас. Помню, как я все время смотрел на дверь и ждал ее, но потом, когда отец перекрасил дверь в другой цвет, это приятное чувство ожидания исчезло.

Вторую жену отца звали Маквала; приехав из деревни, она начала работать продавщицей в хлебном магазине в нашем квартале. Вначале ее трахал один симпатичный курд, затем на нее положил глаз Тенгойя и запретил этому курду покупать хлеб в том магазине. Тенгойя был крепким верзилой, работал администратором плавательного бассейна, который располагался за цирком. Он очень хо-